

Катя Малая

Куда приводит танец

Истории танцующих женщин

2025

УДК 82-3
ББК 84-4
М18

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Малая Катя

М18 Куда приводит танец : Истории танцующих
женщин / Катя Малая. — [б. м.] : [б. и.], 2025. — 196 с.
[б. н.]

В книге собраны истории женщин разных возрастов, культур и судеб. Их объединяет танец — как язык общения, путь к себе, урок свободы и силы. Голоса Голливуда и Ближнего Востока, ритмы Латинской Америки и традиции Израиля складываются в единый сюжет о том, как через движение можно услышать своё сердце, принять перемены и доверять. Даже если вы никогда не танцевали, в этой книге вы узнаете себя и... безусловно, захотите танцевать.

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Катя Малая, 2025
© Татьяна Дзельскалей, фотографии, 2025

Оглавление

Предисловие	5
Часть первая — Учителя	7
Эль	8
Учитель. Мири Алон	12
Голливуд. Сцена для каждой	19
Любовь на крупном плане	21
For Exposure	29
Тигрицы Голливуда	33
Женщина-стресс	40
Женщина-каскадер	48
Женщины, которые стали семьёй	53
Женщина, которая хотела летать	58
Спэйр мама	62
Женщина-джокер	69
Часть вторая — Ритм материнства	75
Танцы Вне Живота	79
Танцевальные Игры	83
Круг сестринства	89
Танцы, которые запоминает сердце	91
Невеста, которая хотела сбежать	99
Принцесса	104
Между танцем и безумием	107
Часть третья. Любовь	113
Выступления	114
Ансамбль — Стихия танца	127
Табуле	134
Танцующие классы	137
Та самая другая история — Когда танец становится любовью	145
Домашние роды	151

Часть четвертая. Принятие	167
Пандемия	168
Тюльпаны	176
Танец без возраста	179
Уставшие душой	182
После смерти. Или ДО начала жизни	186
Благодарности	193

Предисловие

Дум-тек-тек-Дум-тек.

Дум-тек-тек-Дум-тек.

Это ритм максум — один из самых популярных египетских ритмов.

И неважно, египтянка ты или нет — на этот ритм ты всё равно повернёшь голову. Услышишь его — и тело отзовется: рука начнёт похлопывать по ноге, носок ноги отбивать такт, голова слегка закачается в такт.

Ты обязательно задвигаешься.

Знаешь, почему так? Я расскажу.

Какой был самый первый звук, который ты услышала?

Ты даже не знала, откуда он звучит.

Подскажу: этот звук был с тобой задолго до рождения. В самом безопасном месте, в котором ты когда-либо была.

В утробе матери.

Это было её сердце.

Под его ритм ты формировалась, росла, двигала руками и ногами ещё до того, как увидела свет.

Дум-дум-дум-дум...

На генетическом уровне твоё тело помнит этот звук. Оно знает его лучше собственного имени. Услышишь — и произвольно отзовёшься.

Танец — он всегда с тобой. Даже если ты пока этого не знаешь.

Он появляется с первым ударом твоего сердца — примерно на пятой неделе после зачатия. Потом к нему добавляются звуки маминого сердца. Девять месяцев ты слышишь этот ритм — дум-дум-дум.

И когда ты рождаешься и плачешь, мама прижимает тебя к груди — и ты успокаиваешься, потому что узнаёшь этот звук.

Дум-дум-дум.

Танец — в тебе. Пока стучит твоё сердце. Это твой лучший метроном. Твой точный ориентир.

Я расскажу, как Танец живёт в тебе — с первых клеток в материнской утробе до последнего вздоха на этой земле. И когда ты узнаешь эту историю — ты продолжишь танцевать.

Потому что эту жизнь стоит танцевать.

Танец ведёт меня всюду.

Если позволишь — будет вести и тебя.

Часть первая —
Учителя

Эль

Мне двадцать шесть лет. Я осталась одна с младенцем в чужой стране — мой муж ушёл к любовнице.

Эль родилась и перевернула мою жизнь. Ей всего три месяца, а я ощущаю себя неудачницей, провалившей важный проект. И так — каждый день.

Утро. Пять или шесть часов. Пока я кормлю грудью, листаю соцсети.

В ленте — мамы одного, двоих, троих детей. Стильные причёски, чистые скинни-джинсы или семейные пижамы с одинаковым принтом, маникюр и, конечно, успешный бизнес.

Сегодня — мама с двумя детьми и цветочным магазином. На фото аккуратные дети, красавец-муж и гора блинчиков. Скатерть — чистая, посуда подобрана под весенние оттенки, на столе — кувшин с соком, кофе со сливками и, конечно, букет.

Откладываю телефон и ловлю в выключенном телевизоре своё отражение: пижама, где верх и низ не совпадают, тугой пучок на голове. Когда я мыла волосы в последний раз? Хорошо, что не видно бровей — их я щипала ещё до родов.

Взгляд скользит по комнате: на столе — остывший чай, бутылочка с каплями от коликов, пелёнка со срыгнувшим молоком, засохший бутерброд.

На руках — Эль в пижаме с пятном. Она морщится — значит, скоро заплачет. Нет, не заплачет — заорёт. Подогреть чай и бутерброд придётся потом. Причесаться — тоже когда-нибудь потом. А скинни-джинсы? Может, когда-нибудь надену...

Плач Эль обрывает мои мысли.

Я мечтаю быть счастливой и красивой, как мамы на картинках. Почему у меня не получается?..

Вечером жалуясь подруге. Её сын уже в первом классе:

— Иногда кажется, что это никогда не закончится. Дни тянутся, как сопля... Мне хочется сбежать от своего ребёнка!

— Ты что такое говоришь?! — ужасается она. — Они такие милые в этом возрасте! Наслаждайся!

Почему мне не дают права жаловаться? Почему хотят «починить» меня своими фразами? Почему нельзя просто побыть рядом и выслушать?..

Наутро бездетная подруга приглашает на вечеринку:

— Днём! Прямо как ты любишь!

— Здорово!

— Но... — слышу в её голосе нервный смешок. — Туда нельзя с младенцами...

— Но Эль на грудном вскармливании. Я не могу её оставить. Возьму с собой — в слинге!

Пауза.

— Ой, ты знаешь... Я вспомнила, что в это воскресенье не могу! У Эль же осмотр у врача! — вру я, спасая подругу от необходимости искать отговорки.

— Конечно-конечно! Врачей пропускать нельзя! Ну, в другой раз тогда!

В другой раз.

Когда Эль подрастёт.

Иногда я сажаю Эль в слинг: прижимаю её к себе, ножки складываю «лягушкой», обматываю тканью. Головка — под моим подбородком, на расстоянии поцелуя. Я чувствую её дыхание, она слышит моё сердце.

Танцую с ней прямо в спальне — на клочке пола между кроватью и комодом. В колонке играет мой старый плейлист: от восточных барабанов до лёгкого рока и испанской музыки, которую слушал отец.

Эль перестаёт плакать, иногда даже засыпает. Я не вижу её лица — только чувствую, как её щёчка прижимается к моей груди. Одной рукой я поддерживаю её голову, другой — обнимаю за спинку.

В танце есть что-то магическое.

Пусть только на несколько минут, пока длится песня — но я ощущаю покой. И немного — радость материнства.

Моя беременность была ужасной.

Муж ничего не скрывал и открыто жил с любовницей.

Мне двадцать пять лет. Лос-Анджелес.

Йога-студия.

Сажусь на коврик. Самое сложное — разложить коврик. Дальше — проще. Нужно сосредоточиться на «здесь и сейчас»: твёрдый пол, тонкий слой коврика под ягодицами. Вокруг лёгкий аромат свечей и свежевystиранных полотенец. Всё вокруг в движении. Мне нужно только дышать.

Вдох-выдох.

Но мысли возвращают меня домой.

Он наверняка сейчас звонит ей.

Горячие слёзы текут по щекам.

Занятие уже началось, а я снова плачу.

Учительница не спрашивает, что случилось, не просит успокоиться — за это я ей благодарна. Она подходит, кладёт у моего коврика салфетки и легко касается плеча. Тёплая ладонь — и я плачу ещё сильнее.

Но она остаётся рядом.

Занятие продолжается.

Я тоже продолжаю.

Вдох-выдох. «Собака, смотрящая вниз». Кап-кап — слёзы падают на коврик.

Дома рушится мой брак. Я на четвёртом месяце беременности.

Я сбегая от реальности на эти уроки, которые оплатила ещё в начале беременности. Иначе, может, и не пришла бы.

Смотрю на беременных женщин вокруг — они улыбаются. А у меня в горле встаёт комок: почему у меня не так? Чем я хуже?

Но я восхищаюсь своим телом.

Несмотря на то, что сердце разбито, оно продолжает делать своё дело — менять форму, укрепляться, расширяться, готовиться к родам. словно солнце, которое светит каждый день, даже за облаками.

Иногда мне кажется, что я буквально чувствую, как в этот момент кости таза сдвигаются на миллиметр, а мышцы тазового дна становятся эластичнее. «Неужели такое возможно?» — думаю я.

Роды проходят молниеносно.

словно тело устало ждать. Или Эльль решила, что пора. Между первой схваткой и моментом, когда я держу её в руках, проходит всего два часа и пятнадцать минут.

В шесть утра я ещё спала.

В девять пятнадцать — держала на груди свою девочку.

В двадцать шесть лет я стала мамой Эльль.

Она родилась в Лос-Анджелесе.

Послеродовой период — тяжёлый.

Я одна с младенцем и разбитым сердцем. Тоска съедает изнутри, и я без конца ищущу ответ на вопрос: где я оступилась?..

Но в эту минуту из колонки льётся музыка.

Я танцую.

Вес тела перекачивается с одной стопы на другую, Эльль крепко прижата ко мне в слинге.

Она уснула.

А мои мысли уносятся далеко-далеко...

Учитель. Мири Алон

*Я белую птицей летела в рассветном просторе...
Я черною птицей скользила в просторах заката...
Орлицей грозной, красавицей-чайкой и сойкой,
Веселю ласточкой, пестрой сорокою бойкой...
А шаль танцевала, скользила и вдаль увлекала...
В просторах границ не бывает — мне Мири сказала...*

Л. Малая

— Вставайте в круг. Смотри наверх! — Мири всегда обращалась к классу в единственном числе, повелительным наклонении. И даже в толпе танцующих казалось, что она говорит только со мной.

— Что там наверху? Отвечай!

Каждая из учениц по очереди называла своё: небо, звёзды, вечность, бесконечность, цель, жизнь.

— Почему? — спрашивала Мири. — Говори правду!

И каждая отвечала, но словно обо мне. А Мири уточняла, переспрашивала, не давала спуску:

— Какая ты, когда делаешь это? А какая, когда не делаешь, но хочешь?

— Какая ты, когда выходишь из себя? А когда не выходишь, но хотела бы?

— А теперь танцуй! Но только глазами. Закрой лицо руками. Ты — чувство. Покажи мне, кто ты!

Мы танцевали. Мири могла прервать в любой момент:

— Не ври себе! Это не ты. Танцуй себя!

— Танцуй огонь! Нет, это не огонь. Огонь — это когда хочется кричать, когда невозможно молчать, когда нельзя стоять! Это вулкан! Кричи, ругайся! Где твои нервы? Где твоя злость? Где твой огонь, я тебя спрашиваю?!

— А теперь танцуй воду. Вода почти как огонь. Почему? Потому что тоже льётся и не прерывается. Потому

что бесконечная. И разная — то тихий штиль, то шторм, то водопад. Пусть в бёдрах будет вода!

Музыка резко остановливалась.

— Вы забыли, что вы женщины? Где ваша мягкость, нежность, женственность? Для кого вы танцуете? Бёдра! Покажи мне воду в бёдрах! Ахай и охай! Ты сексом занимаешься или с мужем тоже так притворяешься? Танцуй, давай! Испытай оргазм! Не можешь? Иди домой учись и приходи потом на танцы!

— Дуй! В ладошки дуй, словно ветер! Ветер разный: холодный, колючий, сухой, как в пустыне. Сможешь быть песком? Ты — как ветер, как небо, как песок. Плыви, теки, дуй!

— Стучи ногами по Земле! Земля держит тебя и учит. Что ты ходишь, словно она сейчас пропадёт под тобой? Всею стопой ходи! Как в поле! Как мужчины — с палками! Держи палку — это твоя трость! Ходи нагло! Тьфу ты, опять принцессу включила!

— Танцуй цвета! Красный — в твоих бёдрах. Оранжевый — в животе. Зелёный — в груди. Голубой — выше. Музыка под каждый цвет своя. И ты танцуй по-разному! Не надо мне твои шаблоны — на автомате будешь мужу дома в постели ноги раздвигать! А здесь — танцуй!

Ах, Мири...

Если бы её не существовало, её бы нужно было придумать. Учитель. Гуру. Оракул. Богиня.

Мне было семнадцать, когда я встретила Мири.

Ей — пятьдесят три. Женщина «на свой возраст»: без косметики, коротко стриженная, с вечной сигаретой в зубах. Одевалась своеобразно — могла натянуть длинную юбку на грудь и сказать, что это сарафан. Могла надеть три-четыре туники разной длины и широкие шаровары. Обязательно без бюстгальтера. Обязательно босиком.

Чуть хриплый голос, пронизательный взгляд, и комплимент на первое знакомство:

— Органический мусор! — сказала она мне. Так она называла нас — любя.

Мири не стеснялась в выражениях. Говорила открыто, даже про секс. Могла не брить подмышки, а могла — сбрить все волосы на голове. Пила крепкий чёрный кофе и играла в нарды.

На урок приходила раньше. (Однажды опоздала — но призналась, что не могла оторваться от хорошего секса. «Уж простите!»)

Возле студии уже ждали женщины. Не одна, не две — восемь, двенадцать. Каждая хотела прийти пораньше, чтобы посидеть с Мири, покурить с Мири, поговорить с Мири. Ей исповедовались. Её слушали молча. Её целовали в губы, обнимали подолгу, приносили еду.

Мири была для всех Учителем.

На её уроках мы не учили технику. В восемнадцать лет я не понимала, что именно мы там изучаем. Каждое занятие было другим.

За пятнадцать лет я так и не увидела ни одного повторяющегося урока.

Мири черпала вдохновение из всего — национальных праздников, лунного календаря, погоды за окном. Мы танцевали воду и водопады, чаек у берегов и диких зверей, огонь и воздух. Танцевали на полной стопе, на полупальцах, лёжа на спине и сидя на стуле. Танцевали одной рукой, одной ногой, одним бедром, одним позвонком. Танцевали глазами. Пальцами. Танцевали прямо в море под звёздным небом.

Мири подолгу говорила с нами. Порой приходишь на урок — а из часа занятий сорок пять минут она выпытывает из нас правду:

— Что для тебя радость?

- Что для тебя боль?
- Где ты чувствуешь себя дома?
- Что ты знаешь? Что ты знаешь?

Она сразу чувствовала фальшь или усталость. Могла перебить на полуслове:

— Ты пришла работать над собой? Так будь добра. Нет? Дверь вон там. Так что для тебя дом?

В комнате стояли другие женщины — старше и младше. Никто не разговаривал. Все ждали. Каждая искала ответ в себе.

— А теперь танцуй то, что ты сказала. Но стоя на месте. С закрытыми глазами!

Если кто-то халтурил — музыка останавливалась.

— Не ври мне! Танцуй!

— Но Мири, я не знаю как! Я пытаюсь!

— Умри, но танцуй правду! Кроме себя и правды у тебя больше ничего нет.

Мири могла быть грубой. Но ей это было можно. Потому что она несла Правду. Иногда — такую, которую не хотелось видеть.

Как-то мы пришли на урок.

Мири молчала. Взглядом показала: встаньте в круг.

Свет приглушён. Студия — в тишине. Мы знали: если Мири молчит — и нам надо молчать. Так и стояли в кругу долгие минуты.

Мири медленно подняла руку. Сначала одну, потом другую. Мы повторяли.

Поднимали ноги. Медленно. Без слов. Под тихую музыку.

Музыка становилась всё громче. Появился низкий гор- таный голос — как пение тибетских монахов. Мы кружились. Долго. Всё быстрее и быстрее.

А потом — упали на пол. На живот.

Я чувствовала пульс где-то в районе пупка — словно якорем уходила в Землю, в её ядро.

Лёжа на животе, мы тоже танцевали.

Мири ходила между нами и говорила:

— Времени не существует. Ты течёшь. Струишься в реке жизни. Здесь и сейчас. Двигайся. Изгибайся. Подстраивайся. Умри, но танцуй!

Вдруг она вложила в наши ладони камни. Камень сместил центр тяжести. Теперь нужно было вставать. С камнем. И танцевать.

В одиночестве. И попарно. И вчетвером. В руках — то один камень, то сразу три.

А потом мы резко выбросили все камни.

— Теперь танцуй без оков!

В канун еврейского нового года Мири сказала:

— Умей благодарить себя. За что ты благодаришь себя?

Каждая ответила: за силу, за веру, за терпение, за любовь, за танец.

— Будь всё время в центре. Внутри себя. Неважно, где ты физически. Ты всегда остаёшься собой, если ты в центре. В Новый год бери с собой себя.

Если в конце урока я задерживалась у зеркала, Мири подходила и спрашивала:

— Ты чего в зеркало смотришь? У тебя разве нет уверенности в себе? Ты танцуешь или собой любишься?

Я запиналась и глупо улыбалась.

— Танец должен быть внутри тебя. Смотри в зеркало, но знай: это — зеркало, а это — ты!

Однажды я решила обхитрить Мири и не смотрела в зеркало, но следила за своей тенью. Мне нравилось, как в полумраке на полу двигалась моя тень.

Мири громко вздохнула:

— За дуру меня держишь? Ищи стержень в себе, а не в отражениях!

Однажды я пришла на урок уставшая.

Тогда я преподавала танец в школе, и дети высасывали из меня все силы.

Мири курила и смотрела на меня:

— Как дела?

— Я устала. Кажется, больше не могу. Ни утром в школу пойти, ни вечером урок провести...

Мири улыбнулась и помолчала.

— Я расскажу тебе тайну. У меня есть один Учитель. Самый лучший и самый верный. Самый требовательный, но и самый справедливый.

Я насторожилась.

— У тебя он тоже есть.

— Кто это?

— Его зовут «Нет Выбора».

И улыбнулась.

А я рассмеялась.

Это и правда мой лучший Учитель. Каждый день его встречаю. Спасибо, Мири, что познакомила меня с ним.

Часто в конце урока Мири включала музыку и разрешала танцевать, как душе угодно. Даже арабскую попсу ставила — хоть и казалось, что такому серьёзному Учителю полагается только серьёзная музыка.

Но Мири можно было всё. И суфийские кружения. И танцы через боль и слёзы. И попсу.

Она могла взять в руки дарбуку и играть нам. Мы танцевали — она улыбалась.

Иногда приглашала художника — он рисовал нас во время танца.

Иногда хлопала в ладоши — а мы танцевали.

А потом выключала музыку и говорила:

— Нет ничего лучше, чем видеть вас танцующих. Вы — танцовщицы. Помните об этом и вне студии тоже!

Немного молчала, а потом добавляла с улыбкой:

— Идите уже домой, а то ещё начнёте мне тут кайфовать на уроках!

Голливуд. Сцена для каждой

Большие буквы *Hollywood* на Голливудских холмах — и сердце захлестнул восторг.

Вот он — Голливуд!

Мне только исполнилось двадцать. Я еду из аэропорта LAX в длинном американском «Форде». За окном февраль: стройные пальмы вдоль дорог, высокое голубое небо, яркое солнце, которое греет даже зимой.

Голливуд казался таким же далёким, как космос. Есть Голливуд — есть я. Ну и что? Луна тоже есть, но я же не мечтаю на неё слетать.

Но большие буквы *Hollywood* заворожили.

И продолжали завораживать все восемь лет жизни в ЛА — каждый раз (каждый раз!), когда я смотрела на них, в душе что-то щёлкало.

Будильник. Звонок. Толчок.

Ты здесь. Вперёд.

Куда же меня привёл танец!

Знакомясь с людьми, я поняла (и даже немного стыдилась): Голливуд достался мне легко.

Люди годами мечтали попасть сюда — дотронуться до индустрии развлечений. Годами копили деньги, готовили документы, визы. Приезжали с высокой мотивацией, готовые покорять вершины — и встречали семнадцать миллионов таких же мечтателей.

Голливуд видел больше разбитых сердец и несбывшихся надежд, чем вся Америка.

Мне так кажется.

Я приехала закомплексованной двадцатилетней девушкой, которая боялась даже выйти за хлебом. Несмотря на хороший английский, я переживала: вдруг я не пойму? Вдруг не поймут меня? А вдруг полиция схватит меня и скажет:

— А чего это ты тут делаешь, дорогуша?

Но надпись на холмах подстёгивала:

Ты уже здесь. Действуй.

В Голливуд меня привёл танец.

И любовь.

Любовь на крупном плане

Илан казался красивым и расслабленным — словно держал любую ситуацию под контролем. Рядом с ним я переставала метаться между детьми, учениками и уроками — и успокаивалась.

Моего будущего мужа привёл ко мне танец.

Он пришёл снимать мой концерт.

Мне было девятнадцать, и я поставила свой первый концерт — сорок учениц на сцене! Илану — двадцать. Он смотрел в маленький экран камеры, проверяя резкость и композицию, но чаще всего смотрел на сцену. Его едва заметная улыбка и внимательный взгляд не отрывались от меня.

Я танцевала босиком на сцене городского культурного центра. За мной стояли мои ученицы. Один из танцев начинался спиной к зрителям: одна рука — на талии, вторая — вдоль тела, но в напряжении, пальцы выпрямлены и полны энергии — так я всегда говорила своим ученицам. Голова — в поворот к залу, пышные юбки мягко колыхались в свете софитов.

Я думала: *Интересно, что сейчас видит Илан? Чувствует ли он эту мощь стихий?*

— Можно я ещё приду туда, где ты будешь танцевать? — спросил он после концерта и, чуть улыбнувшись, добавил: — Разумеется, чтобы снимать видео!

Наверное, увидел.

И я стала звать его туда, где танцую.

Он восхищался мной. Говорил:

— Ты — произведение искусства!

И просил меня танцевать ещё.

Брал меня на дискотеки, ходил на мои выступления, редактировал танцевальные видео, а когда мы оставались наедине, включал музыку и говорил:

— Станцуй мне ещё раз.

Наши отношения напоминали танец-импровизацию: никогда не знаешь, какой акцент прозвучит в музыке, но отдаёшься мелодии до последней ноты — будь что будет.

Как говорила Мири: «Умри, но танцуй!» Так и здесь — умри, но люби. Каждым изгибом, каждой клеточкой, лавиной...

Потому что с первых дней знакомства Илан предупредил, что в декабре — через три месяца — он улетает учиться в Лос-Анджелес. Этот факт добавлял остроты и безумства в наши отношения. Мы оба знали: скоро всё закончится. Поэтому любили так, будто завтрашнего дня не будет.

Мы ходили в рестораны, в кинотеатры, путешествовали по городам, готовили еду, купались в море, болтали всю ночь напролёт... Не говорили о будущем — его не было. Жили в настоящем. Пока играет песня. У нас есть три месяца любить друг друга. И мы любили.

В ноябре Илан вдруг изменился. Всегда весёлый и радостный, он мог внезапно «потухнуть» и замкнуться. После хорошего свидания вдруг вспылить.

Сначала я не понимала, что происходит. Но вскоре он признался сам:

— Я не хочу тебя терять.

Я пошутила:

— Ну, я могу полететь в твоём чемодане!

Но Илану было не до смеха.

— Я всё обдумал... И хочу у тебя кое-что спросить. Только не отвечай сразу. Дай себе время.

Он достал из кармана коробочку.

— Это пока не кольцо, не бойся, — сказал он и открыл крышку. Внутри лежала золотая цепочка с подвеской в форме ключика.

— Это тебе. Я никогда раньше не дарил украшений и не очень знаю, как это делается... Но этот ключ — он

и от моего сердца, и от нашего дома. Поехали со мной в Лос-Анджелес. Я отдам тебе все ключи!

Если бы не его трогательная речь и этот красивый подарок, я бы, наверное, рассмеялась.

Какой к чёрту Лос-Анджелес?!

Но Илан буквально заболел этой идеей.

Он стал рассказывать мне о ЛА — хотя сам там ни разу не был — и расписывать наши планы: где будем жить, чем заниматься, куда поедем путешествовать. Искал танцевальные форумы, объявления о работе и радовался:

— Смотри! Требуется танцовщица живота!

— Вот, фестиваль восточных танцев!

Сначала я относилась к этому с юмором. Иногда шутила, иногда подключалась к просмотру форумов и танцовщиц из ЛА. А иногда злилась — ну бред же!

Как я могла поехать в ЛА?

Виза — туристическая. Денег — только на билет. В Хайфе — группы, пусть и небольшой, но стабильный заработок. Меня уже узнавали и приглашали на выступления. И всё это — бросить?

Но потом я задумалась: *Ну Хайфа... Ну хорошо. А дальше что? Всю жизнь так? Возле мамы? А в Штатах хоть английский подтяну. Ну поживу полгода там. Посмотрю Голливуд. Если уеду зимой — в августе вернусь. А в сентябре, к новому учебному году, снова открою свои кружки.*

Все после армии едут путешествовать. А я никуда не поехала...

Илан попросил, чтобы я дала ему ответ в день его рождения — двадцать шестого ноября. Билеты в ЛА у него были на пятнадцатое декабря.

Он рассуждал так: если я соглашусь, то он полетит со своим отцом первым — найдёт жильё, купит машину, устроится учиться. А я прилечу через месяц-два, когда всё уже будет готово.

А я думала так: *Ну хорошо. В день рождения скажу ему «да» — а дальше посмотрим. Он улетит, а мы проверим, есть ли чувства на расстоянии. Стоит ли лететь или нет. Но так он хотя бы улетит в хорошем настроении.*

Мне казалось, это честно.

В день рождения я подарила Илану маленькую коробочку из-под детской пары обуви.

Положила туда всякую сентиментальную мелочь: маленький камушек и ракушку с моря, чтобы напоминали о Хайфе, его первую записку ко мне, чек из ресторана, где мы однажды объелись шоколадом, брелок (хотела бы подарить ключ, но не нашла подходящий).

Он разворачивал каждую вещицу, улыбался. Но я видела: сколько бы ни нравились ему эти мелочи, он всё ждёт главного подарка — моего ответа.

На дне коробочки лежала записка, сложенная в несколько раз. Это было последнее, что он достал. Развернул, прочитал одно слово — «да» — и обрадовался, словно ребёнок, которому только что подарили велосипед или щенка!

Он закружил меня по комнате, пел песни, смеялся:

— Ты не пожалеешь! Это будет лучшее приключение в твоей жизни!

В день его отлёта, прямо в аэропорту, на глазах у семьи, которая приехала его провожать, Илан заплакал.

Я никогда не видела, чтобы мужчины плакали так: не просто слёзы — он всхлипывал, закрывая лицо руками.

— Ты же меня не обманешь, правда? — спрашивал он. — Я люблю тебя больше всего на свете. Я не смогу жить без тебя. Правда, ты приедешь ко мне? Обещай!

Я смотрела на его слёзы — и испытывала чувство, которого ещё не знала. Из-за меня плакал мужчина.

Не мальчишка в школе, которого я обидела.

А взрослый человек.

Его слёзы были мне даже приятны — если в таком вообще можно признаться.

Вот стоят его папа и мама — они переживают, что он улетает на другой конец света. Но он плачет не из-за разлуки с ними. А из-за девушки, которую встретил всего три месяца назад. Из-за меня.

Я вдруг почувствовала себя особенной в их глазах. Его слёзы стали для меня чем-то вроде подписи — как если бы он кровью подписал самый важный документ.

До этого я воспринимала наш план скорее как романтическую игру. А теперь поняла: для Илана это всерьёз. Он даже не мог допустить мысли, что я не приеду.

И меня это удивило. И даже восхитило.

«Ничего себе... — подумала я. — А он и правда меня любит.»

Илан улетел.

Мы писали друг другу письма по мейлу каждый день.

Я не всегда находила, о чём писать. Но Илан... Он расписывал всё до мелочей: Лос-Анджелес, нашу квартиру, улицы, магазины. И всегда одинаково:

«Когда ты приедешь...»

«Когда мы будем здесь вместе...»

«Я нашёл для нас...»

Каждый день он спрашивал, купила ли я билет — и злился, что нет.

А я не покупала.

Потому что у меня были танцы. Ученицы. Проекты.

Я планировала концерт. И всё никак не могла решиться всё бросить.

Но однажды, в конце января, я купила билет.

На двадцать четвёртое февраля 2009 года. В Лос-Анджелес.

Илан был на седьмом небе!

Теперь у него была дата. Каждый день он зачёркивал дни в календаре.

Ученицам я разбила сердце.

Долго никому не говорила о своём отъезде. А за две недели до отлёта — сразу после концерта, который поставила для всех групп — призналась, что скоро улетаю в ЛА.

Многие восприняли эту новость как удар. И девочки-подростки, которые плакали открыто. И взрослые женщины.

Одна из них, владелица магазина одежды, сказала:

— Вы меня предаёте. Отбираете единственную радость в моей жизни.

Мне было страшно бросать всё.

Мне только исполнилось двадцать. Я впервые начала зарабатывать танцами. Женщины узнавали обо мне через сарафанное радио. Уроки всегда были полны. И вдруг я всё это оставляю. Еду непонятно куда и зачем.

Но я подумала: *А когда ещё можно совершать ошибки, если не в двадцать?*

Я сложила вещи и костюмы в два чемодана и улетела ночным рейсом Тель-Авив — Лос-Анджелес.

В самолёте меня вдруг охватила паника:

Господи, что же я наделала?!

Я оставила всё, что любила. А теперь — лечу в абсолютное «неизвестно». За всё это время я даже не спросила у Илана адрес «нашей» квартиры!

А вдруг он не встретит меня? Не выйдет на связь? Исчезнет? Что я буду делать? Куда пойду?

В самолёте я познакомилась с девушкой.

— В декларации напиши мой адрес. И себе запиши, — сказала она. — Если твой бойфренд тебя не встретит — приезжай ко мне. Что-нибудь придумаем.

Она держала на руках годовалую дочку, Шайли¹.

Я посмотрела на них и подумала: *Вот и мой подарок.*

В аэропорту LAX я, видимо, вела себя слишком дёрганно — и вызвала подозрения у пограничников. Меня не хотели пропускать и долго допрашивали:

— Чего такая молодая девушка приехала одна в ЛА? Не мужа ли искать? Не карьеру ли строить? Не пытаетесь ли остаться здесь нелегально?

Я показала кучу документов: справку о работе, израильские визитки — мол, прилетела на полгода, посмотреть страну и вернусь домой. Даже видео своих учениц показала: *Меня ждут на родине!*

И я их не обманывала.

Но всё равно нервничала — почему они мне не верят?

Когда наконец-то поставили штамп о разрешении на пребывание в США на шесть месяцев² — я вышла в зал прилётов.

Илан был встревожен. Бегал от одного информационного стола к другому.

— Я думал, ты передумала! — сказал он. — Что если бы ты исчезла и никогда не вернулась ко мне? Я уже все рейсы проверил!

В руках он держал скомканный плакат.

— Что это? — спросила я.

¹ Шайли — подарок мне, иврит

² Туристическую визу израильянам давали на десять лет, но по приезду в США максимум, на что можно рассчитывать у пограничников, это на шестимесячное пребывание. После этого надо выезжать из страны и въезжать снова

Он спохватился и развернул большой лист бумаги. На нём было написано чёрным маркером: *The most beautiful girl*¹.

— Я держал его в руках, как идиот, встречая всех, кто прилетел твоим рейсом. А тебя всё не было. Люди, наверное, решили, что самая красивая девушка меня бросила, — засмеялся он. — Поехали домой!

Двадцать четвёртого февраля 2009 года я прилетела в Лос-Анджелес, Калифорния — и с правой ноги вошла в нашу малюсенькую съёмную квартиру в самом сердце Голливуда.

¹ Самая красивая девушка

For Exposure

В Голливуде артисты — повсюду!

Не только официанты, уборщики и продавцы.

Даже у докторов, пожарных и бухгалтеров — свои headshots¹ и резюме.

В резюме можно встретить что-то вроде: «*Прохожий №3*» в сериале *Sex and the City* — название сериала выделено жирным и подчеркнуто, роль — мелким тусклым шрифтом.

В разделе *special skills*² — умение долго не моргать.

В графе «иностранные языки» — английский с лондонским акцентом.

Многие артисты (артистами я называю всех, кто причастен к индустрии — кино, танцы, мода, музыка) всегда держат наготове своё чадо: сценарий к фильму, диск с записью песни, ссылку на демо-ролик.

Внезапно официант мог вытащить из заднего кармана смятые листы и сказать гостю, в котором узнал продюсера:

— Вообще-то я сценарист, — наливая кофе в чашку. — Сейчас заканчиваю семнадцатый сценарий третьего сезона своего сериала. Нет-нет, пока ничего не сняли, даже пилот. Хотите десерт? — подавая меню. — Но вот мой сценарий! Не могли бы вы его прочесть? Там есть мои контакты! Сейчас же принесу ваш заказ!

Вначале я танцевала в Голливуде, как и все.

¹ **Headshots** — профессиональные фотографии крупным планом, обычно фокусирующиеся на лице и верхней части тела. Используются в актерской и модельной индустрии, а также для деловых портретов, резюме, социальных сетей и профессиональных профилей. Важно, чтобы такие фото передавали характер, стиль и профессиональный образ человека.

² **Special skills** — особые таланты

Бесплатно.

На каких-то полудохлых мероприятиях, где артистов порой было больше, чем зрителей. Каждый втайне надеялся: *А вдруг именно в этом захудалом кафе сидит продюсер или агент? Увидит меня, оценит — и подпишет контракт на миллион.*

Танцевать за деньги почти не удавалось — танцоров было слишком много.

И все готовы были выступить *for exposure* — чтобы их увидели.

Загляните в словарь: *exposure* — это экспозиция, выдержка, разоблачение, обличие. Понимаете?

Артисты выходили на сцену бесплатно — в надежде, что их заметит публика.

Или тот самый продюсер, который как раз ужинает в ресторане и ищет новые таланты.

В объявлениях на Craigslist¹ искали танцоров для съёмок видеоклипов — прослушивания где-то на кудыкиной горе.

Если тебя возьмут, на съёмки нужно прийти со своими костюмами и аксессуарами. Рабочий день — с семи утра до одиннадцати вечера.

Обещают один тёплый обед.

Оплата — копия клипа.

И *for exposure*, конечно же.

Артисты жаждут сцены.

Хотят, чтобы их видели.

¹ **Craigslist** — популярный онлайн-сервис объявлений, основанный в 1995 году. Позволяет пользователям публиковать и искать объявления о работе, аренде жилья, продаже товаров, услугах, знакомствах и многом другом. Доступен в различных городах и странах, отличается простым дизайном и минимальным модераторским вмешательством.

Чтобы аплодировали.

Чтобы смотрели.

Даже если днём приходится протирать столы в ресторане — но вечером можно выйти на сцену и показать себя!

Да какая разница, что бесплатно. *For exposure*.

Продюсеры — да и обычные люди — отлично знают эту слабость артистов.

Зачем выделять бюджет на их труд, если они готовы выступить ради любого кипиша?

А если после этого ещё и дают диск с фотографиями или видео — материал, который можно показать агенту или продюсеру — считай, что это был самый удачный *gig*¹!

Через несколько месяцев таких мероприятий я решила искать работу.

Заходила в каждый восточный ресторан, предлагала свои услуги, оставляла визитки.

Это было смешно.

Предлагать танцы в Голливуде — всё равно что продавать лёд эскимосам.

Владельцы баров и ресторанов устало отказывали.

Кто-то улыбался.

Зачем им платить, если артисты и так выступают бесплатно — *for exposure*?

А я пришла просить зарплату.

Однажды меня всё-таки взяли на работу.

И в ту же минуту — уволили.

Это был марокканский ресторан, красиво украшенный в стиле восточного шатра.

Я смущалась, но всё же станцевала для менеджера в пустом зале.

¹ **Gig** — халтура

— Ну... Можно попробовать. Могу тебя взять, — сказал он.

Я была вне себя от радости!

Меня только что взяли на работу!

— Нужны твои документы для оформления.

— У меня есть паспорт.

Больше ничего: ни разрешения на работу, ни визы, ни калифорнийского удостоверения личности.

— Тогда не могу тебя взять. Извини, — сухо ответил он.

Это была ещё одна проблема Голливуда: многие артисты были нелегалами.

Тигрицы Голливуда

Открываю *Craigslist* и листаю раздел *gigs*.

Чего тут только нет!

Танцорам, моделям, актёрам, режиссёрам, сценаристам, певцам...

Почти все предложения — *for exposure*.

Редкие объявления обещают оплату: восемь часов съёмки — и всего \$50—100.

Даже в *McDonald's* за день зарабатываешь больше.

О чём я думала, когда летела сюда?

В животе — будто кто-то сжал мой желудок в кулак.

Что я буду делать в этом Голливуде?

Неужели я не смогу танцевать?!

И вдруг — объявление:

«В танцевальную компанию требуются танцовщицы. Репетиции — два раза в неделю по два часа. Оплата — при выездах на работу.»

Так-так... Это уже что-то!

Срочно писать, звонить, слать фото и видео!

Пальцы дрожат, пока торопливо печатаю письмо.
Отправляю резюме, фотографии, ссылку на видео.
И — о, радость!
Мне отвечают почти сразу.
Назначают встречу для знакомства. Потом — репетиции...

Репетиция — на другом конце города.

Ну и что, — думаю я.

Вот она — моя карьера танцовщицы в Голливуде!

Ансамбль. Настоящие репетиции.

Ре-пе-ти-ции!

Мы будем танцевать в студии — в ярких лосинах, с волосами, собранными наверх.

А пот будет красиво стекать по лбу...

Именно так я представляла репетиции профессиональных танцовщиц в городе больших белых букв.

Руководит репетициями Клаудия — с сильным испанским акцентом.

Мы танцуем в кладовке дома, где она снимает квартиру.

Это не студия.

За дверью туда-сюда снуют жильцы квартирному комплекса.

Сосредоточиться невозможно.

Не то что красиво вспотеть.

Я всё думала: *Как интересно можно это описать?*

Совсем не так, как на самом деле.

«Дорогие мои ученицы! Меня взяли в крутой ансамбль в Лос-Анджелесе.

Им руководит испанка с интересным видением хореографий.

Мы репетируем с профессиональными танцовщицами и готовимся к выступлениям!»

Всё в этом письме было бы правдой.
Только звучало бы гораздо красивее, чем выглядело
в жизни.

Клаудия поставила три танца:
Два восточных (где «восточной» была только музыка)
и один — в стиле Болливуда.
Конечно же, под песню из «Миллионера из трущоб»¹.

Дорога в одну сторону — полчаса.
Плюс два часа репетиции.
Итого — три часа.
Два раза в неделю.
Клаудия назначает фотосессию для ансамбля
Рекламные фотосессии — это отдельный мир.
Фотографы — такие же голодные артисты.
Днём они работают официантами в дайнерах,
а на чаевые и зарплаты покупают аппаратуру.
Снимают, конечно, *for exposure*.
Или за маленькую плату.

Руководитель ансамбля хочет профессиональные
снимки танцовщиц.

Выбирает день X и назначает съёмки — восьмичасовой
рабочий день.

Прийти надо *Makeup and Hair ready* — с макияжем
и причёской, сделанными самостоятельно.

Гримёра нет — денег на него тоже.

С собой — костюмы, бежевые трусы, бюстгальтер и бу-
лавки — групповые костюмы придётся подгонять прямо
на себе.

Еду — из дома.

¹ **Миллионер из Трущоб** — роман индийского писателя Викаса Сварупа. На основе романа в 2008 году был снят оscarоносный фильм *Slumdog Millionaire* режиссёра Дэнни Бойла.

Оплата — *for exposure*.
Снимки потом тебе дадут — вот и радуйся!
Но пользоваться ими нельзя — они принадлежат компании.

То есть, как нельзя?

На прослушивание к продюсерам и кастинг-директорам — пожалуйста.

А вот рекламировать себя в интернете — нет.

Зато останется на память.

Хоть внукам будет что показать...

Несколько недель репетиций.

А Клаудия всё искала нам работу.

Но никто так и не пригласил её или ансамбль на выступление.

Я так ни разу и не станцевала с Клаудией.

В письме ученицам я бы написала:

«Я ушла из ансамбля. Наши творческие взгляды с талантливой испанкой не совпали.»

На самом деле я даже не уходила.

Просто перестала приходить на репетиции.

Клаудия ещё несколько недель писала мне:

— *Ты свободна в пятницу? В субботу? В среду?*

— *Кажется, появился клиент! Чувствую, этот концерт мы точно сделаем!*

Но концерта так и не было.

«Мы сейчас ставим концерт, а к концу марта будем танцевать его в Kodak Theatre¹. Через пару недель у нас фотосессия — мы все будем в костюмах с тигровым прин-

¹ **Kodak Theatre** — историческое название знаменитого театра в Голливуде, Лос-Анджелес, Калифорния. Открыт в 2001 году и первоначально спонсировался компанией Kodak, поэтому носил это имя. Театр известен как место проведения церемонии вручения премии «Оскар». В 2012 году, после смены спонсора, был переименован в Dolby Theatre.

том. Очень сексуально! Потому и называться будем — „Тигрицы“!» — Зара показывала костюмы и, не сбавляя темпа, продолжала:

— «Через шесть недель наш постер будет висеть на билборде на Sunset, прямо в Западном Голливуде! У нас уже всё подписано — осталось только отнести снимки наших танцовщиц! А главное!..»

С этими словами она схватила меня за руку и потащила в маленькую кладовку:

— «Смотри!» — гордо сказала она, указывая на шестнадцать чемоданов с тигровой расцветкой. — «У нас уже готовы чемоданы! Потому что после *Kodak Theatre* мы едем в мировое турне! У тебя же есть загранпаспорт?»

Паспорт — это, пожалуй, единственное, что у меня было.

А у Зары были чемоданы.

Это был практически обещанный успех.

Зара.

Армянка с возрастом без возраста — ей может быть двадцать восемь, а может — сорок два.

Силиконовая грудь, губы, накладные ресницы, чёрные волосы и длинные ногти.

Уникальная.

Я искренне восхищалась её нахальством.

Танцевала она на уровне моих учениц.

Ставить хореографию приглашала других танцовщиц — сама выучить не могла.

Но планы строила грандиозные!

Когда я впервые пришла на репетицию в её студию (бойфренд Зары построил её на втором этаже своего боксерского клуба), она говорила о будущем компании так уверенно, что не вызывала сомнений.

Особенно у двадцатилетней меня, которая только-только попала в Голливуд.

Фотосессия у Зары была уровнем выше, чем у Клаудии. Мы пришли без макияжа — *as is*.

А она пригласила профессионального гримёра и стилиста (оплатил бойфренд).

Нас всех — шестнадцать танцовщиц — накрасили под одну копирку:

Толстая линия чёрной подводки и налакированные кукольные кудри.

Позже, глядя на эти фотографии, я с трудом отличу себя от пятнадцати других.

Kodak Theatre? Билборд на Sunset? Мировое турне?
Нет.

Зара рассталась с бойфрендом.

Студию он забрал себе.

А чемоданы сдал в *Goodwill*¹.

Но восхищала меня всё равно.

Она придумала то, что называла «армянский вход» — торжественный выход жениха и невесты в сопровождении танцевального ансамбля.

Мы надевали длинные бархатные платья и кудрявые чёрные парики (в которых нас нельзя было отличить друг от друга).

Держа над головой подносы с мёдом, вином и посудой, мы входили в зал.

Несли маленький коврик — на нём молодожёны и их родители разбивали посуду (осколки не разлетались — они были в целлофане).

Мы танцевали армянский танец, улыбались во все тридцать два зуба и кричали:

¹ **Goodwill** — сеть магазинов секонд-хенда.

— Тааш! Тааш!¹

Выход длился пятнадцать минут.

В конце вечера Зара давала нам конвертик: восемьдесят долларов.

Со временем мне стала давать по сто.

Смех смехом — а работа была лёгкая и за настоящий *cash*.

Постепенно Зара ушла со свадеб и перешла на детские праздники.

Нанимала танцовщиц и наряжала их в принцесс из диснеевских мультфильмов.

Сама же — армянка с чёрными густыми бровями — всегда играла Эльзу.

Белокурую принцессу.

А через пару лет детских праздников Зара открыла свой детский сад.

В *Glendale*², где он работает и сегодня.

Вот так бывает в Голливуде.

От тигриц и билборда на *Sunset* — до собственного маленького детского сада.

¹ **Тааш** — в контексте армянской свадебной традиции может означать «разбей!» или «ударь!». Это восклицание, вероятно, связано с ритуалом разбивания посуды, символизирующим изгнание злых духов и благословение на счастливую семейную жизнь.

² **Glendale, CA** — город в округе Лос-Анджелес, Калифорния, расположенный к северу от центра Лос-Анджелеса. Известен большой армянской диаспорой.

Вы прочли отрывок из книги. Благодарю за интерес.

Полная версия доступна для приобретения на официальном сайте - для перехода в магазин нажмите [здесь](#).

Покупая книгу напрямую у автора, вы поддерживаете живую литературу, честный труд и возможность создания новых текстов.

Это не только жест уважения, но и вклад в культуру, к которой вы становитесь сопричастны.

Спасибо за выбор осознанного чтения.

С уважением,

Катя Малая

www.katya-malaya.com